Мой муравей

Время дюгоней

ЕСТЬ ДОМА на высоких сваях,
Столбы в островерхих моллюсках,
Как слоновьи разбухшие ноги,
Держат хижины утлое тельце.

Когда приплывут дюгони —
Задремлют попутные ветры.

Посмотри сквозь горячие доски —
В белых щелях моря и света
Не увидишь прибоя скольженье,
Но почувствуешь, что плывешь.

Когда приплывут дюгони —
Кто-то возьмётся за вёсла.

Здесь живут молчаливые люди,
Но когда они чинят сети,
Их лучистые древние песни,
Как крылатые рыбы, летят.

Когда приплывут дюгони —
Наступит новое время.

На вощёной дощечке штиля
Только точка — долблёная лодка.
Может, кто-то бежит к восходу
Или просто «счастливой рыбалки».

Сколько раз заходило солнце,
Сколько раз приплывали дюгони.

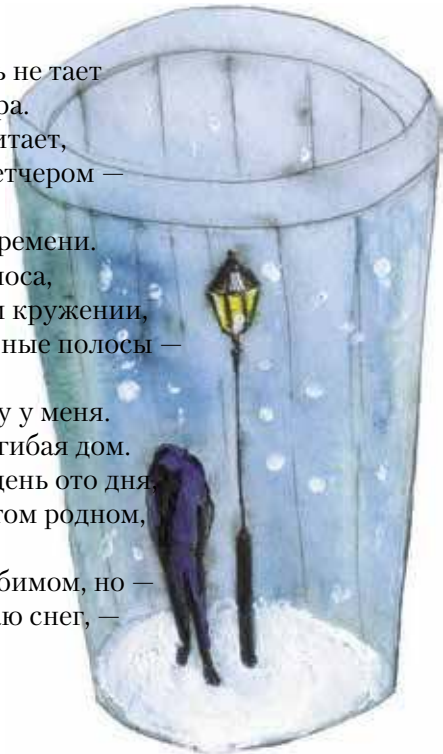
От метро

КАРАМЕЛЬКА-фонарь не тает
В снежном стакане вечера.
Кто-то в окне словарь читает,
А кто-то говорит с диспетчером —

Часовым телефонного времени.
Сирота безотказного голоса,
Ты не знаешь, что в этом кружении,
В этом белом — две красные полосы —

От шапки тугой — на лбу у меня.
Значит, снова кружок, огибая дом.
Каждый вечер, знаешь, день ото дня,
Ждут — ждут — ждут в том родном,

В том тёплом, самом любимом, но —
Ещё пять минут поглотаю снег, —



Там пахнет лекарствами так давно,
Там царство бессонных горящих век,

Слепых ночников и ночных неотложек,
И чая, и чая, и чая опять...
Но стоит представить, что стали похожи,
Тем чем-то похожи, ни дать и ни взять,

Твоё «ноль минут» и моё «добрый вечер»...
...Шапку стянуть, нащупать ключи,
И вдруг побежать, побежать, мой диспетчер,
В сердце — ладонях, как пламя свечи,
От ветра хранить —
радость встречи.

Фонарь-карамелька не тает,
И в окнах никто не читает,
И время, мне кажется, спит.
Но только диспетчер не знает,
Секунды с надеждой считает
И в снежное утро глядит.

Жёны декабристов

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР, сидя у окна,
Расплетая седой пучок,
Она думает — вот не одна —
Декабрист цветёт и поёт сверчок.

И встречая рассвет, не может понять —
К той задаче не найден ответ —
Сколько раз проверяет всё ту же тетрадь,
Сколько раз... много — много лет

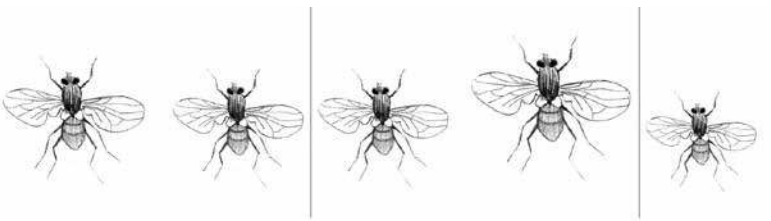
Просыпается рано и чуда ждёт
И уходит в пушистом пальто.
Вот прохожий не знает, как ярко цветёт
Декабрист... И не знает никто.

Бело-чёрное

НА ПОТОЛКЕ играли мухи —
В мантильях серых — блеск колен,
Движенья выверенно сухи —
В ладоши хлоп и прыг — до стен.

Так подведёнными глазами
В велеречивой немоте
В кино живописали драмы
На белом синема холсте.

Лежал старик на узкой койке,
На полосатой простыне.



И борода вперялась долго
В мушиный танец, как во сне

Спелёнат взгляд незрячим счастьем,
И мысли-мухи гаснут вдруг...
Проектор стих и безучастен
Аплодисмент вечерних рук.

Возвращение

ЕСЛИ ЛЕЧЬ на заднее сиденье
и смотреть на бегущее небо
и ласковый всплеск светотени
встречать распростёртым лицом,
то, кажется, что это — время —
всего лишь деревьев скольженье,
под сенью которых ты не был,
под ними не виденный сон.

А скорость — так просто — послушай,
в стук камешка звонко свернётся
и, словно оса в мякоть дыни,
вопьётся машине под дых.
В любом расстоянье отныне —
сильнее, и глубже, и глуше —
гул радости первопроходца,
пришедшего к дому родных.

Смотри — исчезает движенье,
и мы в горизонт прорастаем,
и облако белой ладонью
на крышу машины легло.
Мы были здесь, я это помню,
был сон, а теперь — пробужденье.
Мы время и место теряем,
и небо течёт сквозь стекло.

Река Оять

Я ВДРУГ медленной-медленной стану,
Буду много всего замечать.
Буду в правом глубоком кармане
Для старушек монетки держать.

Наплету много ярких авосек,
Чтоб нахмуренным людям раздать.
И спою тебе, если попросишь,
Про далёкую реку Оять.

Там течёт река — по земле ли,
Там плывут облака — по реке ли.
Только добрые тихие ели
Могут небо с водой различать.

Но пока я такая, как прежде,
С остановками буду бежать,
Буду просто идти с надеждой,
Что когда-то смогу рассказать,

Как течёт река — по земле ли,
Как плывут облака — по реке ли...
И про ели, про тихие ели
Спой, Оять, мне, спой
Мне бегущей, не-медленной.

Муравей

МОЙ МУРАВЕЙ, не бойся и держись.
Твоё весло — надежная травинка.
Плывут навстречу — облако к былинке —
Тележка под тобой и над тобою высь.

Стожок сложил из скошенной травы
Незримый дворник бережно и просто
И покатил его — плавучий остров —
И луч смахнул с усталой головы.

Плыви, мой друг, плыви, не бойся волн,
Плыви по солнцу, круглое сиянье
Теплом встречает, малое созданье,
Немудрое и хрупкое, твой чёлн.

Есть твой причал, сомнения развей.
Вот трав волна легла к ступеням храма —
На Троицу по ней дитя и мама
Идут.
Плыви, мой муравей.